

МЕТОД
ЖЕНЩИНЫ
ДЕТЕКТИВНИ
КАЛИНИ
РОМАНОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Пока смерть не разлучит нас
Встретимся в другой жизни	Завтра не наступит никогда
Я – его алиби	Пять минут между
Девушка с секретом	жизнью и смертью
Блудница поневоле	Любовь окрыляет
Неплохо для покойника	Единственная моя
Стервами не рождаются!	С первого взгляда
Дожить до утра	Второй подарок судьбы
Крестный папа	Зеленые глаза викинга
Ничто не вечно под луной	Тайна, приносящая смерть
Миллион причин умереть	Цвет мести – алый
Рыжая-бесстыжая	Не доставайся никому!
Охотники до чужих денег	Чужая жена — потемки!
Мужей много не бывает	Возвращаться – плохая примета
Ты у него одна	Врачебная тайна
Любитель сладких девочек	Призрак другой женщины
Игры в личную жизнь	Тайну хранит звезда
Черт из тихого омута	Семь лепестков зла
Обмани меня красиво	Свидание на небесах
Старая тайна, новый негодяй	Ведьма отмщения
Миллионерша поневоле	Программа защиты любовниц
Внимание: неверный муж!	Кинжал в постели
В любви брода нет	Гнев влюбленной женщины
Последняя ночь с принцем	Лучший день в году
Осколки ледяной души	Нирвана для чудовища
Счастье по собственному желанию	Незнакомка с тысячью лиц
Любвеобильный джекпот	Последнее прибежище негодяя
Длинная тень греха	Счастье с третьей попыткой
Личное дело соблазнительницы	Подвенечный саван
Большие проблемы	Заклятие счастья
маленькой блондинки	Торговка счастьем
Красотка печального образа	Амур с оптической винтовкой
Ночь с роскошной изменницей	Мсть Спящей красавицы
Окно в Париж для двоих	Демон ревности
Лицензия на harpu end	Преступно счастливая
Черная корона	Изменница поневоле
Рыцарь чужой мечты	Закон сильной женщины
Демон искушения	Без вины преступница
Грешница в шампанском	Пленная птица счастья
Принцип Отелло	Ничего личного, кроме боли
Исполнительница темных желаний	Заговор обреченных
Жизнь нежна	Узнай меня
Мода на чужих мужей	Заповедник потерянных душ

ГАЛИНА РОМАНОВА
ТАЙНУ ХРАНИТ ЗВЕЗДА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Тайну хранит звезда : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-099182-2

Жизнь учительницы Анны Корнеевой летит под откос. После развода она никак не может прийти в себя. Бывший муж Саша не только внушил ей психологические комплексы и убил веру в то, что она красивая и желанная женщина, но и собирается через суд отобрать у нее единственного сына Игоря. А может, экс-супруг и прав, она не создана для счастья и ей придется всю жизнь провести у школьной доски... Весь мир как будто ополчился против Анны. Неприятности достаются и тем, кто рядом. В ее выпускном классе одного ученика арестовали по обвинению в убийстве любовника своей матери, другая, двоюродница, выпала из окна, написав записку — в ее смерти виновата именно она, учительница Анна Ивановна Корнеева...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099182-2

© Романова Г.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ШАВА 1

Ему совершенно нечего и некого было бояться. Его никто не мог увидеть. Подъезд высотки был пуст. Кто-то уже ушел. Кто-то еще не ушел. Вероятности встретить кого-то на своем пути практически не было. А даже если и встретил бы, абсолютно никаких проблем. Он идет в гости к друзьям. Почти девять утра в Москве, вполне нормальное время для завтрака. Поэтому в одной руке он держал коробку с овсяным печеньем, в другой — средних размеров пакет с выглядывающим из него длинным батоном и круглой буханкой черного хлеба. Что было под хлебом, знал лишь он один. И что было в коробке с овсяным печеньем, тоже знал он один.

Он остановился у запертой двери и отдышался. Надо-надо снова выходить на пробежку. За зиму ожирел, заматерел, вот как следствие появилась одышка. В его деле этого быть не должно. Это промах. Он вытер потный лоб тыльной стороной ладони, бросил осторожный взгляд вниз, потом вверх, прислушался. Тихо, как в могиле. Хотя изречение достаточно глупое и его легко можно

оспорить. Кто там был, чтобы вернуться и рассказать? Так, предположения одни. Может, жмуриков демоны с чертями так донимают, что корчатся они и орут на своем им одним понятном языке.

Он позвонил в дверь, прислушался. Вскоре за дверью послышалась возня, дверной глазок потемнел — его рассматривали, потом щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и недовольный женский голос спросил:

— Раньше нельзя было?

— Никак нет. — Он угодливо улыбнулся: а чего не покривляться напоследок?

— Еще бы в шесть утра приперся! — фыркнула молодая женщина, решив, что он не понял ее упрека. — Мы с Гавром только-только отпыхтелись. Еще в себя не пришли...

Только тут он рассмотрел, нет, скорее угадал, что на ней, кроме легкого шелкового халата и пары украшений, ничего нет. Груды вольготно мотались под шелком, таращась на него вздувшимися сосками. Зад также вольно гулял, не стиснутый резинками трусиков.

— Все бы вам трахаться, — укорил он ее с неискренней нежностью. — Нет бы о деле подумать, а они...

— Гавр! — крикнула женщина в сторону запертой спальни. — Выползай давай! Тут к нам твой клиент пришел!

Гавр, для нормальных людей, то есть по папарту — Гаврила, выскочил из спальни в широких длинных, до колен, шортах, с крупным кре-

стом на шее, болтающимся на толстой золотой цепи.

— О! — протянул он руку для приветствия. — Ты чего такую рань-то? Мы же только на двенадцать договаривались.

— Обстоятельства. — Он старательно отводил глаза от женщины, пышущая разгоряченная плоть которой не могла не волновать.

— А это чего? Для конспирации, что ли? — Гаврила ткнул пальцем в пакет с хлебом и коробку с овсяным печеньем.

— Какая конспирация, господи? — Он тихо рассмеялся. — Шел из булочной, мне позвонили, навязали «обстоятельства». Вот я и... И перенес время нашей встречи. В конце-то концов, что меняется: девять часов, двенадцать, так ведь? Это ведь уже у вас, так?

По тому, как мгновенно и маетно переглянулись Гаврила и его девка, которую он везде представлял как свою жену, совсем позабыв про законную, оставленную с детьми где-то в Рязани, он сразу понял — у них проблемы. Не у него — нет. У него проблем быть не может. Проблемы у них!

Решили выжать из него побольше? Лишняя тысяча — не помеха для таких уродов, встающих из постели в перстнях с сапфирами и в цепях на полкило золота. Или просрали то, что обещали? Но это же невозможно! Он видел это в их руках. Видел! Или думал, что видел?

Но обозначил уже там, где обещали его не просто завалить деньгами, но и помочь уехать. Уехать

к чертовой матери из этой страны, где восемь месяцев холодная, голодная зима.

— Ребятки, давайте сразу к делу, а потом вот чайку попьем. — Он мотнул коробкой с овсяным печеньем. — Итак? Вы готовы?

— Мы-то... Мы-то всегда готовы, как пионеры. Век свободы не видать! — Гаврила оскалился как дурак, царапнув себя большим пальцем левой руки по кадыку. — Только клиент наш гребаный чего-то замутил.

— Не понял, — спокойно произнес он, хотя понял все и сразу.

У них нет того, за что он выплатил аванс. Пускай не очень большую сумму, но все же они для него не лишние. И он еще раз повторил:

— Не понял.

— Чего тут не понять-то?! — взвизгнула наглая голая девица, едва прикрытая тонким шелком. Она выступила чуть вперед, подбоченясь, уставив в него свои наглые соски и зверски сверкающие глазищи. — Нет у нас того, что ты хочешь! Нету!!! Еще раз повторить?!

— Я заплатил аванс.

Он наклонился и поставил к стене пакет с батоном и черным хлебом, прислонил его понадежнее, коробку с печеньем оставил в руках, принявшись в ней возиться, будто в самом деле чай пить собрался. Распрямился, холодно глянул в сверкающие наглостью глаза девки и еще раз повторил, шагнув вперед:

— Я заплатил аванс.

Она даже не поняла, что случилось. И, наверное, совсем не почувствовала боли. Лицо ее неказилось нисколько, когда он острым как бритва ножом, любовно названным «малыш», полоснул ей по горлу. Быстрым, коротким, заученным и отточенным до мастерства движением он вскрыл ей сонную артерию. Она не успела ни удивиться, ни ахнуть, ни предупредить своего дружка, который что-то бубнил за ее спиной про потраченные деньги.

Гавриле досталось, когда девка начала заваливаться вперед и чуть на левый бок. Ему он тоже раскроил горло. Но Гаврила оказался сильнее своей девки. Он успел схватиться руками за горло, успел что-то прошипеть и еще глянуть на него в диком изумлении. Потом и он упал. И легли они как на картине — крест-накрест. Два голубка, возжелавшие его одурачить. Он ведь все равно найдет, за чем пришел. Даже если ему придется перерыть здесь все вверх дном.

С тяжелым вздохом он полез в карман штанов за тонкими резиновыми перчатками.

Перерыл он все, не осталось ни одного потайного места, но ничего не нашел, кроме своих же денег, все так же перетянутых желтой резиночкой. Он их забрал — это его! А больше ни к чему не прикоснулся. Ему не нужно! Неужели он позарится на золотую цепь или цацку с сапфиром?! Да чушь! Он не алчен до такой степени! Он любит зарабатывать, но крупно. На мелочах, таких, как эта дурацкая цепь или перстень с сапфиром, легко можно проколоться или вляпаться. Ему не

надо. Да и брезгует он этими свиньями! Брезгует снимать с них что-то. Он их просто ненавидит. Ненавидит настолько, что позволил своему «малышу» исколоть их вдоль и поперек. «Малыш» не подвел, порадовал, как всегда, виртуозно. От этих свиней почти ничего не осталось.

Он остановился, лишь когда услышал какой-то шум в подъезде. Сюда, конечно же, никто не придет, в этом он был уверен. Но все равно надо было сворачиваться. Время поджимало. Он подхватил пакет, который стоял возле стены. Вытащил слегка подрагивающими окровавленными руками хлеб за самый краешек, положил на чистое, не забрызганное кровью место на столе. С остальным прошел в ванную комнату. Там неспешно разделся догола, дотошно свернул всю одежду изнанкой наружу, замотал целлофаном из-под хлеба. Потом долго и тщательно купался, несколько раз намыливаясь и скобля ногти щеткой. Вытерся полотенцем, которое принес с собой. С самого дна вытряхнул на чистое место на полу комплект чистой одежды. Грязную убрал в пакет. Потом оделся, причесал влажные волосы. Вернулся в комнату за хлебом и коробкой с печеньем. Все осторожно положил в пакет, пятнами крови вниз. Потом долго стоял у входной двери, когда от тишины в подъезде начало давить уши, он осторожно вышел из квартиры. Дверь прикрыл. Потом снял перчатки, сунул их на самое дно пакета и, чуть насвистывая, пошел вниз по лестнице. Вышел на улицу, посетовал на позднюю весну и пошел к мусорным бакам, возле которых только что остановилась мусороуборочная машина.

Все! От одежды и окровавленного хлеба с печенем он избавился — надежнее не придумать. На его глазах контейнер опрокинулся в зловонное нутро мусорной машины. Улики уничтожены. Но...

Но цели-то он так и не добился, черт! Куда могли эти ублюдки подевать то, за что он заплатил аванс?! Куда? Он же видел это своими глазами. Правда, не оригинал и не в полном объеме, но видел же! И что же получается?!

Получается, что либо эти свиньи не выкупили у первоисточника интересующую его вещь, либо он не нашел это в их доме. Последняя мысль так резво подстегнула его, что он тут же решил вернуться.

Он кое-что просмотрел. Кое-что пропустил... кажется...

ЧАБА 2

Шестиэтажное здание школы вынырнуло из плотного тумана громоздким серым крейсером, с узкими окнами, напоминающими бойницы, замызганными теперь ночным дождем. Тяжелые входные двери с латунными ручками, которые каждую минуту дергали чьи-то руки. Толстые пружины отвратительно визжали, натягивались, впускали очередную порцию извергов и снова сжимались, возвращая двери к притолоке. Ни один современный доводчик не выдерживал бы натиска юной агрессивной энергии, ни один.

И завхоз, плюнув, прибил к дверям старомодные, но такие надежные пружины. Они теперь визжали с утра до ночи.

Услыхав этот истошный визг, она вздохнула и опустила голову. Господи, как же не хотелось туда идти! Каждое утро, каждый новый день был для нее испытанием. Каждый день она сдавала экзамен на выносливость и терпение. Пыталась улыбаться, говорить тихо и внятно, пыталась быть терпимой к их тупости, лени, злобе, неприязни. Каждый день. Но с каждым днем все труднее.

Она приостановилась, поправила на голове платок, одернула плащ, поудобнее схватилась за ручки сумки. И еще раз осмотрела себя — насколько позволял угол зрения — с головы до пят. Все как будто в порядке. Так и должно быть. Иначе быть не должно, иначе засмеют. Заметят сморщенные на коленке колготки, выбившуюся из-под юбки блузку, расползшийся по шву джемпер или мучнистый налет перхоти на спине — и все! Засмеют! Сначала тихонько прыская в кулак за спиной. Потом мерзкий сдавленный смешок становится все громче и громче. Перерастает в откровенный хохот и переползает из коридора в классную комнату. И тогда конец! И тогда ничем уже себя не спасти. Ни ором, ни двойками и колами, ни выгоном из класса.

— Здравствуйте, Анна Иванна!

Она вздрогнула от неожиданности и осторожно обернулась. В этом медленном повороте головы тоже было много от ее стратегического плана выживания в этих опасных детских джунглях. Она

не имела права нервозно дергаться и делать испуганные замечания, что нельзя так неслышно подкрадываться и орать из-за спины. Что это неприлично, отвратительно и... пугает в конце концов. Она должна была реагировать совершенно спокойно и АДЕКВАТНО!!!

Ох, как любила это слово их нынешняя директриса — Кольская Анастасия Станиславовна.

— Вы должны адекватно реагировать на любую дерзкую выходку, милые мои! — нежно поглядывала она на них на педсоветах поверх верхней дужки очень стильненьких и очень дорогущих очечков. — Не должны забывать, что перед вами детки! Они могут быть жестокими, злыми и невыносимыми. Но это всего лишь детки! Наши с вами детки. И мы их сделали такими! Мы! Наше невыносимое время, наша занятость! И в наших силах изменить их. Так дерзайте же...

Кольскую, к слову, она побаивалась ничуть не меньше этих извергов, которые каждый день наводняли классные комнаты и школьные коридоры. Но ей досталось чуть больше: ее она презирала. Считала ее педагогической проституткой, вечно заигрывающей с персоналом школы и идущей на поводу у малолетних оболтусов.

А чего ей, собственно, не быть такой? Муж где-то там на самом верху. «Денег возами за месяц не перевозить», как считает их литераторша. Дом в три этажа за городом. Дети учатся за границей. Все в шоколаде! Чего ей не быть доброй, лояльной, понимающей, снисходительной?! На что злиться?! Она и на работу-то вышла скорее от ску-

ки, чем по необходимости. Дома стены надоели, вот и поскакала в школу. Она же тут не работает, нет, она тут развлекается... Коза длинноногая!..

— Здравствуй, Петровский, — едва заметно двинула она подбородком и слабо улыбнулась молодому человеку, рано созревшему, рано обнаглевшему и рано познавшему все о взрослой безнравственной жизни. — Ты что здесь делаешь?

Она повела свободной от сумки рукой вокруг себя.

Вокруг нее был пустырь, через который она проходила каждое утро. Отвратительное запущенное место с узкой тропинкой. Слева от тропы глухой забор, намертво отгораживающий проезжую часть от школьной и прилегающей к ней территории. Справа кладбище строительного мусора, прочно засиженного крапивой и чертополохом. Все это бетонное, щебеночное и арматурное нагромождение осталось еще со времен строительства школы. Год от года покрывалось все слоем пыли, грязи, летом пышно зеленело непроходимыми зарослями. Зимой щетинилось в небо высохшими стеблями.

Отвратительное место, подумала она. И практически необитаемое. Если кому вздумается свести с ней счеты, лучшего места просто не найти. И чего она тут ходит каждое утро? Ведь можно идти и по ту сторону забора, по тротуару, а она тут каблуки сбивает. Короче путь? Ну разве метров на сто — сто пятьдесят. Удобнее идти на прямую от подъезда и не огибать людную по утрам остановку на площади? Да, возможно. Не хочется толкаться

локтями с утра со своими же школьниками, летящими наперегонки по тротуару? Наверное, это и есть главная причина.

— Вас жду, Анна Иванна.

Красивый порочный рот Петровского улыбнулся, показались невозможно ровные белые зубы. И она снова подумала: не могут быть у человека такие ровные, такие белые, такие безупречные зубы. И губы его... Словно покрашенные, потом слегка припудренные и снова покрашенные. И щеки со следами утреннего бритья. Очень гладкие, очень блестящие. Волосы... Темные, прямые, аккуратно уложенные и почему-то не тронутые ветром. А ветер-то имеется! Ее косынку трепал так, что она ее трижды, пока шла, поправляла.

Все какое-то ненатуральное. Она разозлилась непонятно с чего. Все как-то слишком у этого Петровского!

«Не надо придирайтесь к детям, милые мои. Они такие, какими их создали господь и родители!» — кольнуло в висок изречением, сделанным Кольской неделю назад в учительской.

Над Петровским кто-то постарался вовсю, со вздохом сделала она вывод через минуту.

— Что ты хотел? — Она медленно пошла, стараясь не замечать, что парню приходится семинить рядом с ней по сырой траве и кромка его идеально выглаженных брюк пачкается.

— Анна Иванна, не спрашивайте меня сегодня, пожалуйста, — вдруг попросил Петровский и посмел вцепиться в ее локоть и чуть придержать. — Пожалуйста!